

УДК 93(47+57) "1741/1761"

**ЗАБОТА ДУХОВЕНСТВА О РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СОСЛОВИЙ В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ
ПЕТРОВНЫ****THE CARE OF THE CLERGY OF DIFFERENT ESTATES REPRESENTATIVES'
RELIGIOUS AND MORAL CONDITIONS IN ELIZABETH'S I REIGN****В.А. Чикова
V.A. Chikova***Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, Наб. р. Мойки, 48**State Pedagogical University of Russia (Herzen University), 48 Moika River, St. Petersburg, 191186, Russia**E-mail: chikovavika@mai.ru*

Аннотация. В статье поднимается вопрос о религиозно-нравственном состоянии российского общества в середине XVIII века, а так же о деятельности духовенства по борьбе с суевериями и проступками нравственного характера. Нравственность и религиозность прихожан становились предметом заботы и контроля духовенства. В случае, если поведение людей нарушало не только нравственные, но и гражданские законы, духовенство обращалось к светским органам власти. Елизавета Петровна лично следила за религиозностью и нравственностью дворянства, которое должно было служить примером для остальных слоев общества. Духовенство должно было отслеживать и решать подобного рода вопросы в своей среде, борьба за нравственность духовенства велась различными методами, от жестоких наказаний до решения вопросов тайным образом для сокрытия неблагоприятных поступков от глаз прихожан. Духовным судом над церковно- и священнослужителями занимались духовные консистории или Синод, в том случае если проступок считался особо тяжким. Основной целью являлось недопущение падения авторитета духовенства в обществе. Выводы автора статьи построены на архивных материалах.

Resume. The question of a religious and moral condition of the Russian society in the middle of the 18th century, and also about activities of clergy for fight against superstitions and offenses of moral character is brought up in the article. The moral and religiousness of parishioners became a subject of care and control of the clergy. If the behavior of people broke not only moral, but also civil laws, the clergy addressed to secular to authorities. Elizabeth I personally watched religiousness and moral of the nobility. Nobility had to be an example for other sectors of society. The clergy must trace and resolve issues this problems, fight for moral of the clergy was conducted by various methods, from cruel punishments to the solution of questions secretly for concealment of unseemly acts from eyes of parishioners. Spiritual consistories or the Synod judged church- and priesthood. The main objective was the prevention of falling of authority of clergy in the society. The researcher's conclusions are constructed on archival materials.

Ключевые слова: Православная церковь, духовенства, нравственность, Синод, Россия в XVIII веке.
Keywords: Orthodox church, clergy, moral, the Synod, Russia in the XVIII century.

Введение

В конфессиональных государствах вопросы, тесно связанные с религией, порой становятся предметом церковного или судебного разбирательства. Российская империя в середине XVIII века не была исключением. Религиозность и нравственность прихожан становилась заботой духовенства, а за чистотой нравов и помыслов духовенства должны были следить высшие церковные органы во главе со Синодом. Императрица лично интересовалась различными делами о преступлениях против веры.

Методология

Методологической основой статьи являются принципы историзма и объективности. Принцип историзма предполагает формулирование суждений на основе всестороннего осмысления совокупности объективных и субъективных фактов, существующих в рамках конкретно-

исторических условий, то есть православная Церковь и духовенство вписываются в общеисторический контекст елизаветинской эпохи. Принцип объективности подразумевает, что предмет исследования будет рассматриваться без каких-либо этно-конфессиональных или политико-идеологических пристрастий и симпатий. Для решения поставленных задач использовался историко-лингвистический метод. Этот метод создает возможность не только критически изучить, но и объективно интерпретировать представленные в исследовании источники.

Результаты исследования

Забота о религиозно-нравственном состоянии простых людей - крестьян, горожан, солдат и членов их семей была одной из главных обязанностей духовенства в императорской России. За исполнением этой обязанности на местах наблюдали духовные консистории. Они выполняли судебные функции по преступлениям против религии и Церкви, а также против нравственности. Примером первого рода являются обвинения в богохульстве. В 1743 г. в Петербургской консистории рассматривалось дело «Об обвинении фельдшеров в богохульстве». Неизвестный человек сообщил, что фельдшеры двух рот Петербургского гарнизона произносили богохульные слова. Допрошенные фельдшеры Алексей Соловьев и Тимофей Савельев назвали третьего человека, который был с ними и которого заподозрили в неподобающих высказываниях, - капрала Федора Махетерова. «Определено по указу императрицы и Никодима и его канцелярии - о немедленном в канцелярию его преосвященства вышеозначенного направлении Федора Махетерова для надлежащего допроса», - решили в консистории. Сравнивая показания, следователи пришли к выводу, что обвиняемые в ночное время напились и «произносили ругательства стыднообразными словами»¹. Согласно Соборному уложению: «кто имени хуление будет приносить, тогда ему язык каленым железом прожигать будут и прочие телесные наказания»². Для наказания фельдшеров и капрала отправили в гарнизонную канцелярию. Как их наказали неизвестно.

В XVIII в. повседневная жизнь российских подданных была наполнена суевериями и предрассудками. В 1743 г. Синод разбирал дело по донесению Киевского архиепископа Рафаила о «записавшемся бесу в служители» полковнике Илье Човпиле. Полковник сообщал, что он по совету своей знакомой пошел ночью на распутье и кликнул беса, просил его о помощи во всем, потом кровью подписал бумагу и тем самым «записался князю бесовскому с душой и телом на тридцать лет»³. Церковный суд решил заточить полковника в монастырь на 6 лет, чтобы он «приносил покаяния». Это одна из самых распространенных форм наказания по таким делам. Считалось, что праведный монастырский образ жизни может исцелить человека. Светские и церковные органы власти нередко действовали сообща. В 1752 г. из Главной полицмейстерской канцелярии в Санкт-Петербургскую духовную консисторию было передано дело о «наказании за воровку Антона Баженова, дворового человека Дементия Матвеева»⁴. Он воровал не только себе, но и по просьбам других, особенно женщин, и «чародействовал он 5 лет»⁵. За это консистория наложила на него церковную епитимию, чтобы виновный смог осознать свои заблуждения и исправиться, замолить грех или искупить его.

В августе 1751 г. в церкви Николая Чудотворца в Санкт-Петербурге нашли «два куса воску красного, один наподобие шара, а внутри письмо»⁶, а также «неведомых 4 корня, вырезанных наподобие треугольника»⁷. За три дня было проведено расследование. Старосту и сторожа обвинили в том, что они сами принесли в церковь «заговорное» письмо и прочие колдовские атрибуты. Их отправили в Адмиралтейскую коллегию для окончательного решения по делу и наказания. По всей видимости церковь Николая Чудотворца находилась при коллегии, и наказание виновного оставили за светским учреждением.

В духовных консисториях разбирались дела не только религиозного, но и нравственного характера, например, о блуде и пьянстве. В мае 1743 г. барабанщик Преображенского полка жаловался на свою жену епископу Никодиму, по его словам, жена его вела себя развратно, «вошла в пьянство» с 1738 г. В промемории полковой канцелярии от 23 апреля 1743 г., приобщенной к делу, говорится, что она «неведома где пришла пьяна, и незнаемо где ночевала». Ей было предъявлено обвинение в прелюбодеянии. Во время следствия женщина совершила неудачную попытку самоубийства, за что была наказана. Пока шло разбирательство, в апреле 1745 г. к делу было приобщено прошение солдата Еремина, вступившего в законный брак с дочерью Максимова Марье Тимофеевне, которая тогда «пребывала не в состоянии детства и находилась в многих продерзостях и в

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Ф.19. Оп.1 Д. 2488 Л.5.

² Там же Л. 14.

³ Титов А. Священный Синод в первой половине восемнадцатого века в описаниях документов и дел хранящихся в архиве священного Синода. Ярославль, 1908. С.20-21.

⁴ ЦГИА СПб. Ф.19. Оп.1. Д.3757. Л.1.

⁵ Там же. Л.2.

⁶ ЦГИА СПб. Ф.19. Оп.1. Д.3646. Л.1.

⁷ Там же.

блудодеем, избегая одного (мужа) была неоднократно в приподале в подалище... а потом причислялась в воровстве, почему он и просит для учинения наказания ей в правительствующий Синод отправить»¹. При этом украдена была икона из церкви, то есть произошло святотатство. Оказалось, что женщины являлись сообщницами, и велено было наказать обеих кнутом и вернуть их мужьям.

В том же 1743 г. разбиралось дело «о побеге жены». Крепостная Матрена Афанасьевна была выдана замуж в поместье своего владельца Ивана Малыгина, но затем бежала в город, там «посягнула во второе незаконное супружество, назвавшись вдовой»², и вышла замуж за солдата Ивана Шутова. После допроса женщину держали в колодцах, затем было решено вернуть ее помещику Малыгину, чтобы он сам решил ее судьбу.

Духовные консистории разбирали и бракоразводные дела. В декабре 1747 г. в Санкт-петербургскую духовную канцелярию и в Ингерманландский пехотный полк поступило «доношение» от солдата Архангелогородского полка Алексея Зотова о том, что его жена Дарья Михайлова дочь живет с солдатом Ингерманландского полка Филиппом Медведевым. Длительное разбирательство выяснило, что Дарья «от первого мужа своего съехала и назвалась девкой, посягнула во второе незаконное супружество»³. В сентябре 1748 г. было вынесено решение по делу: «учинить с нею наказание за выход незаконно при муже Алексее за другого мужа». Для этого женщину отослали в Петербургскую губернскую канцелярию, а с незаконным мужем Филиппом Медведевым развели.

Титулованное дворянство и вельможи, как публичные люди должны были являться образцом поведения и благочестия для других слоев общества, поэтому за их нравственностью также следили представители духовенства. В случае сомнения в истинности православных убеждений Синод имел право заточить подозрительного человека на год или два в монастырь. Императрица всегда отрицательно относилась к любому религиозному вольномыслию. Особенно жестко пресекалось увлечение догматами католицизма, адепты которого отличались повышенной политической активностью.

Дело княгини И.П. Долгорукой началось с того, что 19 февраля 1746 г. протопоп Исаакиевского собора усомнился в том, что она является приверженицей православной веры. Петр I приказ открывать тайну исповеди, если сообщение могла нанести вред⁴. Долг священника обязывал Тимофея сообщить полученные сведения в вышестоящую инстанцию. Через месяц об этом узнала императрица. Было проведено расследование, выяснилось - И.П. Долгорукая, представительница прославленного рода (даже двух известных родов, так как в девичестве она носила фамилию Голицына) к православной вере была совершенно безразлична. В 1719 г. когда княгиня вместе с мужем-дипломатом приехала в Голландию. Там она познакомилась с основами католицизма и людьми, его проповедовавшими, но продолжала исполнять православные обряды. В 1724 г. посольская церковь лишилась своего священника и литургии прекратились. В 1726 г. княгиня серьезно заболела и все думали, что она умрет. Ей надлежало исповедаться, а священника не было. В это время в их дом пришел отец Даленор, католик, он узнал о болезни и проведаль больную. Она попросила его заменить православного батюшку, а он не посмел отказать. После исповеди и причастия княгиня пошла на поправку. Отсюда и началось ее увлечение католицизмом.

В марте 1746 г. Елизавета приказала, чтобы Синод разобрался в этом деле. Весной были проведены три допроса княгини. Члены Синода предложили провести акт отрицания католической веры в православном храме, на какой-либо службе «учинить ей, княгине, с помянутыми детьми надлежащее по церковному чиноположению перед литургией от заблуждений западного римского костела отрицание»⁵. 15 августа 1746 г. в придворной церкви Летнего дворца на кафедру поднялись Ирина Петровна и ее дети и произнесли слова присяги. Князь пострадал за «несмотрение» за своей женой, и вместе с сыном был отправлен в Савинов монастырь на один год.

Духовенство, которое следило за нравственностью своей паствы, также должно было нести и наказания за свои проступки и неблагочестивое поведение. Чаще всего наказывали по Духовному регламенту, но также бывало, что за наказаниями обращались к Соборному Уложению или к прецеденту. Императрица же старалась создать условия, при которых священничество не отвлеклось бы от своих прямых обязанностей.

Елизавета, сама, уважая священный сан, старалась поселить уважение к нему и в народе, повысить статус духовенства. По словам исследователя П.Г. Веденяпина, внимание Елизаветы было обращено в большей степени на внешнее состояние его быта, на упрочение его положения в обществе и обеспечение его материального благосостояния. В отличие от своих предшественников, Елизавета, вероятно, считала, что бедность и нужда могут отвлекать священнослужителей от их главной задачи - «пастырского служения»⁶. С этой целью были введены льготы для духовен-

¹ ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 1. Д.2360 Л. 23.

² ЦГИА СПб. Ф.19. Оп.1. Д.2420. Л. 19.

³ ЦГИА СПб. Ф. 19 Оп. 1 Д. 3153 Л.5.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собр. 1. Т.6. № 4022.

⁵ См. подробнее: Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. С.428-429.

⁶ Веденяпин П.Г. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны относительно православного духовенства.

ства. Дворы духовных лиц были освобождены от постоев воинских команд, самих представителей духовенства освободили от несения караульной службы по ночам и от участия в тушении пожаров. Кроме того, священнослужители и монахи были освобождены от наказания за ложный донос по «слову и делу»¹.

Духовным лицам по указу 19 января 1743 г. запрещалось «производить фальшивый ладан, торговать им, а также церковным вином, смешанным с водой, кислым, к службе Божьей непригодным»², было запрещено заниматься торговлей. Вероятно, заботясь о нравственном облике духовенства и прихожан и желая подчеркнуть святость и чистоту мест, связанных с церковью и верой, Елизавета издает указ «О принятии мер к закрытию кабаков, находящихся поблизости от монастырей и приходских церквей, и к запрещению открытия таковых вновь»³. В 1747 г. подтверждается петровский указ, запрещающий посвящать в священники лиц, не достигших 30-летнего возраста, а в дьячки (причетники) — не достигших 25 лет.

Духовный Регламент предусматривал и возможность доноса священнослужителей друг на друга: «Всякому архимандриту, игумену, приходскому священнику, тако ж и дьякону и прочим причетникам свободно и вольно просить у Духовного Коллегиума суда на своего епископа, аще кто в чем на него знатно обижен будет»⁴, а за ложные доносы должно было последовать наказание. Судя по всему, среди провинностей, о которых доносили священнослужители друг на друга, преобладало пьянство. В 1745 г. в Синод пришло сообщение из иркутской провинциальной канцелярии о последовавшем от монаха Феофилакта Путилова доносе на преосвященного епископа иркутского Иннокентия, о его «непристойном поведении»⁵ (пьянстве и разврате). Были допрошены Феофилакт и Иннокентий, в свою очередь, Иннокентий обвинил Феофилакта «в побеге его и других продерзости»⁶. Пока шло разбирательство по делу, «приказали содержащегося при канцелярии Святейшего Синода по известному духовному делу монаха Феофилакта до рассмотрения оного отослать в Александро-Невский монастырь, держать в келье под присмотром кого-нибудь из монахов»⁷. Иннокентия в Петербург привезти не удалось, так как он был серьезно болен. Рассмотрение дела затянулось, и в декабре 1747 г. пришло известие, что Иннокентий скончался. В январе 1749 г. Феофилакта перевели в «Московский Николаевский Перервинский монастырь в послушание поваренное или хлебное»⁸ с запретом отлучаться куда бы то ни было. Братия этого монастыря в дальнейшем доносила о «предерзостном поведении» Феофилакта, а в июне 1751 г. в Синод пришло последнее сообщение о нем: «В ночи монах Феофилакт вышел из определенной ему кельи телесно небуранный и через монастырские огороды, ушел в бор.., где нашел смерть»⁹. Похоже, на него напал дикий зверь. За смертью второго фигуранта дело было закрыто.

Суевериям были подвержены даже епископы и архимандриты. В 1754-1757 гг. в Синоде шло расследование по доносу костромского епископа Геннадия на архимандрита костромского Богоявленского монастыря Андроника, обвиняемого им в противонравственных поступках и обращении к колдовству. Все началось с прошения Андроника перевести его в другой монастырь по причине болезни. По этому вопросу было решено спросить мнение костромского епископа. Геннадий написал, что Андроник недостоин никаких побряжек и переводов, что «тот ведет себя безнравственно и обращается к колдовству»¹⁰, кроме того, «чтоб стать настоятелем [он] обращался к волшебнице, обкрадывал монастырь, для ворожения снимал крест и приказывал другим»¹¹. Епископ Геннадий отмечал, что старался говорить с Андроником, увещевать его, но «не при народе - чтобы искушений не было»¹². Донос выглядит несколько странно: ревностный епископ не сообщил о серьезных проступках в Синод. По «волшебному» делу началось следствие. В декабре 1757 г. следствие было окончено и вынесен вердикт: «Андронику объявить, что почетное [звание] архимандрит ему возвращено»¹³, то есть архимандрита сочли невиновным и вернули ему его сан. Епископа же Геннадия обвинили в ложном доносе, сначала оштрафовали, а затем лишили сана. Было велено «оставить его помогать священнослужителям исправлять потребности»¹⁴.

Если обвинение церковно- или священнослужителя представлялось не очень тяжким, то его рассматривали на местах в консисториях. В сентябре 1743 г. поступило донесение от священников Григория Михайлова, Стефана Яновского и диакона Иоанна Васильева, служащих в церкви Святого Иоан-

¹ Павленко Н.И. Елизавета Петровна. В круту муз и фаворитов. М., 2005. С.233-234

² Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи за 25 ноября 1741 г.- 28 июня 1762г. СПб., 1899-1912, Т.1. № 282.

³ Там же. № 444.

⁴ ПСЗ Собр. 1. Т.6. № 3718.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 796. Оп.205. Д. 31. Л.2.

⁶ Там же. Л. 103.

⁷ Там же. Л. 89.

⁸ Там же. Л. 256.

⁹ Там же. Л. 290-292.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 38. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² Там же.

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 41. Л. 105.

¹⁴ Там же. Л. 153.

на Предтечи, о том, что пономарь Василий Константинов замечен в непорядочных выходках и «безмерном напийтии». Представители духовенства просили, «дабы повелено было одного пономаря взять в канцелярию, чтоб он вперед себя воздерживал, учинить ему телесное наказание»¹. 2 ноября 1743 г. последовала резолюция: «Вышеуказанного пономаря Василия Константинова за вышеобозначенные его пьянствения и прочие непорядочные поступки при помощи его преосвященства канцелярии учинить нещадно плетми наказания». В тот же день пономарю Василию Константинову при домовой канцелярии архиепископа «нешадное плетми наказание учинено было»².

В феврале 1751 г. в духовную консисторию поступил рапорт от священника церкви Святых Семеона и Анны Стефана Навроцкого: «Сего 1751 года месяца генваря 19 числа ввечерен вступил в священослужение... священник Андрей Барановский ... 23 числа обедав не оправляя», (т.е. не исполнял своих обязанностей), «он (Барановский) на службе, литургии и у молебна не был». По распоряжению Петербургской консистории священника Барановского, который находится в «невоздержимом пьянстве» необходимо было немедленно допросить. На допросе он сообщил, что «орал» на священника Стефана матерно и прочей непотребной бранью, и поэтому тот в отместку на него донес³. Пил же будто бы провинившийся «на память», видимо в памятные дни. После задержания Барановский написал прошение: «Содержу я настрашнейши в одной консистории по имеющимся делам, с товарищем моим священником Стефаном навравшим, уже не малое время без всякого пропитания..., имею сомнения и печать и завсегдашнюю болезнь. Того ради прошу слезно и покорно, прошу дабы повелено было телесно освободить и ко священству привести, дабы я свое пропитание иметь мог». По императорскому указу Барановского было велено «из-под надзора освободить», обязать его, чтобы «житие свое вел по чину своему честное, а не пьянствовал и никаких неприличных поступков не чинил»⁴. Священник заплатил штраф и должен был ежедневно являться в консисторию. Наказание оказалось относительно мягким. Вероятно, просьба разжаловала императрицу, а может быть, провинности Барановского доказать не удалось.

При Елизавете Петровне были приняты меры по уменьшению численности бродячего духовенства. В 1745 г. был подписан указ «с бродячего попа брать штраф как с беглого крестьянина - 10 рублей»⁵, в 1755 г. – указ, который предписывал: пойманных полицией в Петербурге или Москве (самом любимом месте безвестных, бродячих попов), доставлять в Синод для разбирательства. Чаще всего на них налагали штраф в 50 рублей или высылали в монастыри. Бродячие попы представляли опасность для властей, могли стать зачинщиками беспорядков.

В 1747 г. в Петербурге стало известно, что в столицу бежали монахи Астраханской епархии - иеромонах Ипполит, монахи Геласий, Иллариий и Малахий⁶. Дело оказалось серьезным, и его расследовал Синод, с донесением о ходе расследования самой императрице. Архиепископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский Феодосий объявил беглецов в розыск и указал их приметы. Сообщалось, что монахи пустились в бега, так как вошли в немилость у настоятеля. Их удалось разыскать в столичных доходных домах и привести в духовную канцелярию.

В то же время, встречаются факты, свидетельствующие что Елизавета, чтобы не подрывать уважения народа к церкви не обращала внимания на прегрешения церковных иерархов. Примером тому является дело архимандрита, описанное в «Записках» Я.П. Шаховского⁷, но нужно отметить, что о провинностях архиерея нет упоминаний в других источниках. Один из синодальных членов был уличен в прелюбодеянии, привезен в Синод, сам признал свою вину, и был посажен под караул. В обществе стали распространяться слухи о провинившемся сановном монахе. Синодальные иерархи решили замять дело, но обер-прокурор Шаховской выступил против этого. Он считал, что виновный должен быть наказан по закону. Члены Синода затягивали процесс и написали прошение императрице. Рассмотрев его, Елизавета распорядилась перевести подсудимого в другой монастырь без всякого наказания, а крестьян, которые привезли архимандрита и вторую участницу преступления, наказать как клеветников. Несмотря на все уважение к Шаховскому и на понимание закона, императрица не хотела огласки этого дела, возможно, не желая допустить падения авторитета церкви и духовенства в глазах общества.

Выводы

Итак, в середине XVIII в. религиозно-нравственные проблемы занимали важное место в деятельности духовных властей разного уровня. Духовенство на местах решало вопросы религиозного и нравственного характера и наказывало за прегрешения в соответствии с христианскими

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2433. Л.2.

² Там же. Л.3.

³ ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 1. Д. 3573. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Ведения П.Г. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны относительно православного духовенства // Православное обозрение. 1865. № 5-7. С. 131.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д.2917. Л. 3.

⁷ Шаховской Я.П. Записки... С. 64-65.

представлениями и церковной практикой. Если дело оказывалось сложным, то консистории обращались в Синод, а если дело было сопряжено с бытовыми преступлениями в светские органы. За чистотой веры своих подданных наблюдала и императрица. В первую очередь это распространялось на дворян, приближенных ко двору. Однако духовно-нравственный уровень самого духовенства не всегда мог служить образцом для подражания. Власти старались влиять на духовенство разными способами, но при этом не хотели допускать падения авторитета священнослужителей в глазах общества.

Список литературы References

- Ведениянин П.Г. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны относительно православного духовенства // Православное обозрение. 1865. № 5-7. С.113-134.
Vedeniainin P.G. Zakonodatel'stvo imperatritsy Elizavety Petrovny otnositel'no pravoslavnogo dukhovenstva // Pravoslavnoe obozrenie. 1865. No. 5-7. P.113-134. (in Russian)
- Павленко Н.И. Елизавета Петровна. В кругу муз и фаворитов. М.: АСТ, 2005.
Pavlenko N.I. Elizaveta Petrovna. V krugu muz i favoritov. Moscow: AST, 2005. (in Russian)
- Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Молодая Гвардия, 2003.
Pisarenko K.A. Povsednevnaia zhizn' russkogo dvora v tsarstvovanie Elizavety Petrovny. Moscow: Molodaia Gvardiia, 2003. (in Russian)
- Титов А. Священный Синод в первой половине восемнадцатого века в описаниях документов и дел хранящихся в архиве священного Синода. Ярославль, 1908.
Titov A. Sviashchennyi Sinod v pervoi polovine vosemnadtsatogo veka v opisaniikh dokumentov i del khраниashchikhsia v arkhive sviashchennogo Sinoda. Iaroslavl', 1908. (in Russian)
- Шаховской Я.П. Записки князя Петровича Шаховского, полицмейстера при Бироне, обер-прокурора святейшего Синода, генерал-кригс-комиссара, затем генерального прокурора и конференц-министра в царствование Елизаветы и сенатора при Екатерине II. СПб.: Русская старина, 1872.
Shakhovskoi Ia.P. Zapiski kniazia Iakova Petrovicha Shakhovskogo, politzmeistera pri Birone, ober-prokurora sviateishego Sinoda, general-krigs-komissara, zatem general'nogo prokurora i konferents-ministra v tsarstvovanie Elizavety i senatora pri Ekaterine II. St-Petersburg: Russkaia starina, 1872. (in Russian)